

БИО
ГРАФИЯ

A detailed portrait of a man with a full beard, wearing a dark military uniform with gold epaulettes and a white cross medal. He is seated in an ornate chair, holding a sword. The background is dark and textured.

Олег Михайлов

Александр III

Забытый император

ФТМ

Олег Михайлов

**Александр III:
Забывтый император**

«ФТМ»

1996

Михайлов О. Н.

Александр III: Забытый император / О. Н. Михайлов — «ФТМ»,
1996

ISBN 978-5-4467-3052-0

«Пока русский царь ловит рыбу, Европа может подождать», – эта фраза приписывается русскому императору Александру III Миротворцу (1845–1884), в царствование которого Россия не участвовала ни в одной войне, а на международной арене уверенно проявила себя как мощное и экономически стабильное государство. Историко-биографический роман известного российского прозаика и литературоведа Олега Михайлова «Александр III. Забытый император» рассказывает о жизни и судьбе российского царя-миротворца.

ISBN 978-5-4467-3052-0

© Михайлов О. Н., 1996

© ФТМ, 1996

Содержание

Глава первая	9
Глава вторая	15
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Олег Михайлов¹

Александр III: Забытый император

*Из энциклопедического словаря. Изд. Брокгауза и Ефрона, т. IА,
Спб., 1890*

АЛЕКСАНДР III – император всероссийский, второй сын императора Александра II и императрицы Марии Александровны, родился 26 февраля 1845 г., вступил на прародительский престол 2 марта 1881 г.

Воспитание получил при ближайших заботах назначенного к его императорскому величеству попечителем генерал-адъютанта Перовского и непосредственного руководителя, известного профессора Московского университета, экономиста Чивилева. Кроме общего и специально-военного образования, его величеству были изложены приглашенными для того профессорами Петербургского и Московского университетов политические и юридические науки. После преждевременной кончины нежно любимого им старшего брата, государя наследника цесаревича Николая Александровича (12 апреля 1865 г.), горячо оплаканной августейшей семьей и всем русским народом, его императорское величество Александр Александрович, сделавшись наследником цесаревичем, приступил к продолжению как теоретических занятий, так и к выполнению многих обязанностей по государственным делам, на него возлагавшихся. Как атаман казачьих войск, канцлер Гельсингфоргского университета, начальник последовательно различных воинских частей (включительно до командования войсками округа), член Государственного Совета, его императорское величество входил во все области государственного управления. Предпринимавшиеся путешествия по России укрепили уже с детства залегшие семена глубокой любви ко всему истинно русскому, историческому.

Во время последней Восточной войны с Турцией (1877–1878) его высочество был назначен командиром отдельного Рушукского отряда, игравшего в тактическом отношении сколько важную, столько и трудную роль в этой славной для русского имени кампании.

28 октября 1866 г. состоялось бракосочетание его величества с дочерью датского короля Христиана IX и королевы Луизы – Софией-Фредерикой-Дагмарой, нареченной при замужестве Марией Федоровной. Счастливая семейная жизнь государя-наследника скрепляла узами добрых надежд русский народ с царской семьей. Бог благословил заключенный брак: 6 мая 1868 г. родился великий князь Николай Александрович. Кроме наследника цесаревича, августейшие дети их: великий князь Георгий Александрович (р. 27 апреля 1871 г.); великая княгиня Ксения Александровна (р. 25 марта 1875 г.), великий князь Михаил Александрович (р. 22 ноября 1878 г.), великая княгиня Ольга Александровна (р. 1 июня 1882 г.).

Вступление на прародительский престол императора Александра III последовало 2 марта 1881 г. после мученической кончины (1 марта) его августейшего родителя, царя-освободителя, императора Александра II. Положение государства было грустное и трудное. Какие-то неведомые враги уже более десяти лет стремились спутать для неведомых целей стомиллионное население, тесно связанное любовью и исконной преданностью царю, успели запятнать себя целым рядом страшных преступлений. Хищничество в некоторых учреждениях, легкое отношение к исполнению законных обязанностей, немалые финансовые затруднения, грозившие коалиции в дипломатическом мире, все это создавало исторические уже трудности для вступившего на престол государя.

Уже первый манифест о вступлении на престол, и особенно манифест 29 апреля 1881 г., выразил точную программу как внешней, так и внутренней политики: поддержание порядка и власти, наблюдение строжайшей справедливости и экономии, возвращение к исконным русским началам и обеспечение повсюду русских интересов.

Во внешних делах эта спокойная твердость императора, тотчас породившая убедительную уверенность в Европе, что при полном нежелании каких-либо завоеваний русские интересы будут неумолимо защищены, это значительно обеспечило европейский мир. Выраженная правительством твердость относительно Средней Азии и Болгарии, а равно свидания государя с императорами германским и австрийским послужили только к подкреплению создавшегося в Европе убеждения, что направление русской политики вполне определилось.

Не желая войны или каких-либо приобретений, императору Александру III пришлось при столкновениях на Востоке увеличить владения Российской империи на 214854,6 кв. верст (429895,2 кв. км), и притом без войны, так как победа генерала А. В. Комарова над афганцами при р. Кушке есть случайное, вовсе непредвиденное столкновение. Но эта блистательная победа оказала громадное влияние на мирное присоединение туркмен Мерва, а затем и на расширение владений России на юге до пределов Афганистана, при установлении в 1887 г. граничной черты между р. Мургаб в р. Амударьей со стороны Афганистана, сделавшегося с того времени смежным с Россией азиатским государством, на протяжении около 760 верст, тогда как еще в 1880 г. Афганистан отстоял от России почти на 1000 верст. На этом, недавно вошедшем в пределы России, громадном пространстве проложена железная дорога, соединяющая восточное побережье Каспийского моря с центром русских среднеазиатских владений – Самаркандом и р. Амударьей.

В делах внутренних изданы многие новые законоположения.

Развитие великого дела экономического устройства многомиллионного крестьянства в России и создание таких условий, при которых терпящие недостаток в наделе вследствие увеличивающегося народонаселения, вызвало (1882) устройство правительственного Крестьянского поземельного банка с его отделениями. (К 1 января 1889 г. действовало 38 отделений.) На банк возложена важная миссия – оказывать содействие выдачей ссуд для покупки земель как целым крестьянским обществам, так и крестьянским единениям, товариществам и отдельным крестьянам. В течение 6 лет деятельности Крестьянского банка (к 1 января 1889 г.) им было выпущено в ссуду (государственные свидетельства Крестьянского поземельного банка) 42 349 500 р., совершено 6514 сделок (отчет за 1888 г. Спб., 1889 г.). С той же целью для оказания помощи дворянам-землеладельцам, находившимся в затруднительных хозяйственных условиях, в 1885 г. открыт правительственный Дворянский банк, который (к 1 января 1889 г.) выдал 1546 ссуд на сумму 33 705 700 р. листами Дворянского банка, реализационная цена которых была 98 процентов. В 1889 г. монаршей милостью дарованы новые льготные условия заемщикам Дворянского банка: накопившиеся недоимки разрешено причислить к капитальному долгу, количество процентов уменьшено до 4,5, выдачу ссуд повелено производить деньгами, и потерянные на листах проценты со времени получения ссуд – вычесты из накопившихся недоимок. Эти монаршие щедроты вызвали верноподданнический восторг в дворянских собраниях, выраженный в их благодарственных адресах государю.

Существенные реформы явились в деле народного образования.

В военном ведомстве – военные гимназии повелено преобразовать в кадетские корпуса.

Священному Правительствующему Синоду указано оказать помощь Министерству народного просвещения в области народных школ открытием приходских школ при церквях, где школ не имеется.

Общий университетский устав 1863 г. заменен новым уставом 1 августа 1884 г., совершенно видоизменившим положение университетов: непосредственное руководство университетами и прямое начальство над широко поставленной инспекцией вверено попечителю учебного округа, ректоры избираются министром и утверждаются высочайшей властью, назначение профессоров предоставлено министру, степень кандидата и звание действительного студента уничтожены, почему окончательные экзамены в университетах уничтожены и заменены экзаменами в правительственных комиссиях в ведении попечителя учебного округа.

Вместе с тем приступлено к пересмотру положения гимназий и высочайше повелено озаботиться о расширении профессионального образования.

Область суда вызвала равномерное внимание. Порядок отправления суда с присяжными заседателями пополнен новыми правилами 1889 г., и в том же году судебная реформа распространена на прибалтийские губернии, по отношению к которым проведено твердое решение осуществить в деле местного управления общие, имеющиеся в целой России принципы управления, с введением в делопроизводстве русского языка и с обеспечением для православного населения этих губерний благолепия православных храмов.

Давно сказавшаяся потребность в улучшении местного управления, требовавшего после освобождения крестьян (29 февраля 1861 г.) и создания земских учреждений (1864) более стройного и закономерного сочетания местных властей, вызвала в самом начале царствования (при министре внутренних дел графе Н. П. Игнатьеве) создание особой комиссии под председательством статс-секретаря Коханова. Обширные труды, предпринятые комиссией, представившие громадный материал как относительно исторических справок, так и анализа потребностей местного управления не были приведены, однако, к окончанию. Высочайше повелено было министру внутренних дел, покойному графу Д. А. Толстому, провести поправку местного управления на основании тех указаний, которые государю благоугодно было дать еще во время коронации, отправленной с подобающей торжественностью в Москве 15 мая 1883 г. Составленный в Министерстве внутренних дел на указаниях императора проект реформ местного управления, после рассмотрения его в законодательном порядке, был высочайше утвержден 22 июля 1889 г. в виде Положения о земских участковых начальниках, причем в именном указе Правительствующему Сенату высказаны следующие мотивы: «В постоянном попечении о благе Нашего Отечества Мы обратили внимание на затруднения, представляющиеся правильному развитию благосостояния в среде сельских жителей Империи.

Одна из главных причин этого неблагоприятного явления заключается в отсутствии близкой к народу твердой правительственной власти, которая соединяла бы в себе попечительство над сельскими обывателями с заботами по завершению крестьянского дела и с обязанностями по охранению благочиния, общественного порядка, безопасности и права частных лиц в сельских местностях. Желая устранением этого недостатка поставить местную власть в подобающее ей и согласное с пользами государства положение, Мы повелели Министрам Внутренних Дел и Юстиции, приняв в руководство указания, особо Нами данные, выработать на основании оных проект соответственных законов».

Так как это Положение (дополненное 29 декабря 1889 г. правилами о производстве судебных дел земскими начальниками и городскими судьями) вверяет эту форму местного управления дворянам, ввиду общего правила Положения о назначении земских участковых начальников из местных потомственных дворян, то от дворянских собраний понеслись к подножию престола верноподданнические адреса, приносящие благодарение за эти новые монаршие льготы дворянству в выражение столь широкого монаршего доверия.

Наконец, финансовая область, периодически доставлявшая России большие затруднения неизбежными дефицитами и падением цены рубля, совершенно преобразилась. Вверенная государем талантливейшему министру И. А. Вышнеградскому, успевшему с необыкновенным блеском выполнить указания государя, эта область сделалась предметом изучения и удивления в Европе: цена рубля поднялась, курс повысился, конверсии долговых бумаг удались блистательно, совершение займов превышает всякие ожидания.

Чрезвычайная опасность грозила России в 1888 г.: 17 октября мог сделаться днем великой печали, но он сделался днем праздничным. В этот день над императором Александром III и его августейшей семьей явлено чудо милости Божией: страшное крушение поезда на Курско-Харьковско-Азовской железной дороге, по воле Провидения, не коснулось ни царя, ни его семьи. Они вышли из страшных обломков невредимыми. Понятна радость целой России. И

теперь еще идут из разных концов громадной монархии заявления верноподданными чувства радости о чудном спасении. На месте катастрофы воздвигся храм, и в нем, как и повсюду, возносятся молитвы, скрепляющие союз царя с народом.

Глава первая

Кровавое начало

С момента злодеяния государь прожил чуть больше часа.

Истекающего кровью, с раздробленными ниже колен ногами и висящими лохмотьями тела императора Александра Николаевича привезли на санях полицеймейстера в Зимний дворец. Казаки из конвоя внесли на ковре тяжелую ношу в кабинет. Из алькова выдвинули постель и, поставив ее рядом с письменным столом, поместили умирающего на подушки в сидячем положении.

Когда наследнику, который находился в своем Аничковом дворце, сообщили, что на государя совершено покушение на Екатерининском канале и что он ранен, Александр Александрович не помня себя помчался на место преступления. Повозку остановил проезжавший мимо незнакомый генерал, который, можно сказать, пробудил цесаревича словами:

– Ваше место во дворце! Спешите туда!..

У кровати умирающего уже стояла на коленях княгиня Юрьевская. В розовом с белым пеньюаре (княгиня ожидала возвращения мужа в своих покоях, чтобы переодеться и отправиться на прогулку в Летний сад), она растирала, рыдая, тяжело дышавшему государю виски эфиром. Доктор мехами старался вдуть кислород в рот царя.

Огромная фигура наследника на мгновение заслонила падавшие из окна лучи яркого, но еще по-зимнему низкого солнца. Княгиня, полуобернувшись полным телом, подняла красивое лицо, сквозь рыдания прошептала:

– Боже! Боже! Все погибло, ваше высочество!..

Александр Александрович впервые без гнева и горечи, но с состраданием встретился с ней взглядом. Сколько мучений принесла эта женщина его матери Марии Александровне и, безусловно, ускорила ее кончину.

Проглотив горький комок, он опустил, прижимая к лицу безжизненную окровавленную руку отца.

Появились великие князья – брат Владимир Александрович и любимый дядя наследника Михаил Николаевич с лейб-медиком Боткиным, который принялся обрабатывать раны...

Суматоха в Зимнем дворце да и во всем Петербурге была невообразимой.

Поручик-преображенец Михаил Стахович, будучи на рысистом кругу Семеновского плаца, вдруг услышал о том, будто государь убит. С офицером-приятелем он выскочил из беседки, поймал лихача и велел лететь в Зимний дворец.

– Господа! – воскликнул лихач. – Своей первой очереди я дешевле четвертной не продам.

– Ладно! Гони! – крикнул Стахович.

Пока ехали, они рассказали ему, отчего так торопятся, а когда стали расплачиваться, лихач вдруг предложил:

– Не нужно мне денег. Я сам вам заплачу четвертную. Если вы меня к *нему* проведете. Пусть лошадь пропадает!

Лошадь Стахович доверил городовому, а извозчику посоветовал молча идти за ними.

Он потом, будучи уже камергером двора, много раз ходил по Зимнему и на приемах, и на балах, и показывая его иностранцам, и представляясь. Но никогда, конечно, так не бежал, не переспрашивал, не метался. Как бы то ни было, странная компания вошла во дворец через главный подъезд и добралась до умирающего государя – никто ее не остановил.

Постепенно темный коридор – узкая длинная зала без окон, примыкающая к кабинету, – наполнился придворными. Кучер был наконец выдворен. С умирающим оставалась царская

семья, министр внутренних дел граф Лорис-Меликов, носатый, в густых бакенбардах, и доверенное лицо государя министр двора граф Адлерберг с бескровным, словно у мумии, лицом.

Наследник думал о том, что какой-то злой рок преследует династию Романовых.

Не началось ли это тогда, когда Россию решили насильно втиснуть в европейские формы? Ходила молва, будто Петр Великий умер не своей смертью, а, больной, был задушен князем Меншиковым, которого обвинил в вопиющих злоупотреблениях. Что уж говорить об Алексее Петровиче,² казненном отцом за попытку восстановить старорусские порядки! Петра II в четырнадцать лет Долгорукие, замотав охотами, довели до смертельной простуды.³ А внук преобразователя России Петр Федорович убит табакеркой Алексеем Орловым.⁴ Павла Петровича задушили шарфом,⁵ а затем искололи шпагами. Александр Павлович – о, цесаревич знал об этом достоверно! – удалился в скит замаливать грехи под именем старца Федора Кузьмича.⁶ Дед – Николай Павлович, после того как пал Севастополь, предпочел сам уйти из жизни.⁷ Наконец, батюшка...

² *Алексей Петрович* (1690–1718) – царевич, старший сын Петра I и его первой жены Е. Ф. Лопухиной. Разрыв Петра I с женой и ее заточение в суздальском Покровском монастыре сказались на отношении Алексея к отцу, а позже и к его государственной деятельности. Не желая стать верным сподвижником царя, вызвал гнев отца и угрозу устранения от престолонаследования и пострижения в монастырь. В 1716 тайно бежал в Вену под защиту австрийского императора Карла VI. Скрываясь от агентов Петра I, жил в замке Эренбург (Тироль), затем в Неаполе (замок Сант-Эльмо). Доверившись уговорам дипломата П. А. Толстого, возвратился в Россию, был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Во время следствия выдал под пытками своих сообщников и признался в намерении, воцарившись, отказаться от отцовских реформ; приговорен к смертной казни. По версии некоторых современников, тайно задушен в Петропавловской крепости.

³ *Петра II в четырнадцать лет Долгорукие, замотав охотами, довели до смертельной простуды.* – Петр II (1715–1730), император всероссийский, внук Петра I, сын царевича Алексея Петровича, с 1719 законный наследник престола, отстраненный в 1725 провозглашением императрицей Екатерины I. Вступил на престол в 1727 при фактическом правителе А. Д. Меншикове, который намеревался укрепить собственное положение браком своей дочери с Петром Алексеевичем. Князьям Долгоруким удалось, однако, восстановить Петра II, не любившего невесты, против Меншикова. Последний с семьей был сослан в Раненбург, затем в Березов. Партия Долгоруких, старинной родовитой знати, усилилась при дворе, Петр II подпал под ее сильное влияние: один из Долгоруких, князь Алексей Григорьевич, сблизил царя со своей дочерью – княжной Екатериной Алексеевной, объявленной его невестой. Во время охоты (к ней царя пристрастили Долгорукие) Петр II простудился, захворал острой и вскоре, 18 января 1730, умер.

⁴ *...Петр Федорович убит табакеркой Алексеем Орловым.* – Петр Федорович, Петр III (Петр-Ульрих) (1728–1762), племянник императрицы Елизаветы Петровны (сын ее сестры Анны Петровны и герцога Гольштейн-Готторпского Карла-Фридриха), внук Карла XII (по отцу) и Петра I (по матери). В 1741 избран наследником шведского престола, в 1742 Елизавета Петровна объявила его наследником русского престола и вызвала из Гольштейна в Россию, где он был крещен в православие и назван Петром Федоровичем. С 1761 – император всероссийский. Низложен в результате дворцового гвардейского переворота 28 июня 1762 и в качестве пленника отправлен в Ропшу, где через несколько дней был убит при не вполне выясненных обстоятельствах. «В Ропше, – пишет В. О. Ключевский, – Петра поместили в одной комнате, воспретив выпускать его не только в сад, но и на террасу. Дворец окружен был гвардейским караулом. Приставники обращались с узником грубо; но главный наблюдатель Алексей Орлов был с ним ласков, занимал его, играл с ним в карты, ссужал его деньгами. С самого приезда в Ропшу Петру нездоровилось. Вечером того же 6 июля (1762. – В. В.), когда был подписан манифест (о воцарении Екатерины II. – В. В.), Екатерина получила от А. Орлова записку, писанную испуганной и едва ли трезвой рукой. Можно было понять лишь одно: в тот день Петр за столом заспорил с одним из собеседников; Орлов и другие бросились их разнимать, но сделали это так неловко, что хилый узник оказался мертвым» (Соч.: В 9 т. Т. IV. М., 1989. С. 328). Современные историки склоняются к мысли, что Петр III убит, «по-видимому, Алексеем Орловым» (см. коммент. к 25 и 26 т. «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева. Кн. XIII. М., 1994, С. 677). Орлов Алексей Григорьевич (1737–1808) – граф (с 1762), атлет, один из главных участников дворцового переворота 1762.

⁵ *Павла Петровича задушили шарфом...* – Имеется в виду Павел I (1754–1801), сын Петра III и Екатерины II, император всероссийский (с 1796). В ночь на 12 марта 1801 убит заговорщиками из числа приближенных офицеров во главе с петербургским генерал-губернатором графом П. А. Паленом (1746–1826). Офицеры, по воспоминаниям современников, ворвались в спальню императора в Михайловском замке и обнаружили Павла I за ширмами – босым и в ночной сорочке. Один из заговорщиков ударил государя в висок тяжелой табакеркой. Павел, защищаясь, закричал. Тогда все набросились на него и опрокинули его на пол; кто-то из офицеров схватил шарф и, сделав из него петлю, затянул ее на шее самодержца.

⁶ *Александр Павлович... удалился в скит... под именем старца Федора Кузьмича.* – Речь идет об Александре I (1777–1826), российском императоре с 1801, старшем сыне Павла I, и о легендах и толках в народе, связанных с его смертью. Автор романа обстоятельно раскрывает названную тему во второй половине произведения.

⁷ *Дед – Николай Павлович, после того, как пал Севастополь, предпочел сам уйти из жизни.* – Николай I (1796–1856), российский император с 1825, третий сын Павла I, дед Александра III. Могучая натура Николая I не выдержала жестоких испытаний Крымской кампании 1853–1856, и после сдачи Севастополя он пережил сильное нравственное потрясение, подо-

Сколько попыток убить государя предприняли безумные фанатики! Не далее как вчера граф Лорис-Меликов доложил царю об аресте руководителя шайки анархистов Андрея Желябова.⁸ Он говорил, что по данным следствия в ближайшие дни готовится новое покушение на государя, и умолял его не ехать на следующий день на развод лейб-гвардии саперного батальона. Император, улыбаясь и сильно картавя, беззаботно отшучивался:

– Мне напгогочили, что самым опасным будет восьмое покушение. А моей жизни угрожали лишь шесть газ. Так что одно остается в запасе...

Когда к просьбам Лорис-Меликова присоединилась княгиня Юрьевская, батюшка твердо сказал:

– Катюня! А почему же мне не поехать? Не могу же я жить как затвожник в своем дворце! – Затем, смягчив тон и нежно глядя на любимую жену, переменял разговор: – Я подписал манифест, составленный Михаилом Тагизеловичем. – Он склонил голову в сторону Лорис-Меликова. – Мы созываем подготовительные комиссии из седы земств и значительных годов для гефогмы Госудагственного совета. Надеюсь, этот манифест произведет хогошее впечатление. Госсия увидит, что я дал все, что возможно. И это благодага тебе...

– Как я счастлива! – ответила Юрьевская.

Наследнику, покуда он добирался до Зимнего, успели рассказать о подробностях злодеяния.

Утром государь принял доклад Лорис-Меликова позавтракав с женой и детьми, отправился в закрытой блиндированной карете⁹ в Михайловский манеж. По настоянию княгини Юрьевской был изменен лишь маршрут: император проследовал в манеж не по Невскому и Малой Садовой, а более прямым путем – по набережной Екатерининского канала. После окончания развода он посетил великую княгиню Екатерину Михайловну в Михайловском замке, а затем в прекрасном настроении отправился в Зимний дворец. Государь сидел в карете один; за ним в санях ехали полицеймейстер Дворжицкий и два офицера; конвой из шести терских казаков (седьмой поместился на козлах рядом с кучером) окружал экипаж.

Проехав Инженерную улицу, карета вышла на Екатерининский канал, и орловские рысаки понесли ее во всю мочь вдоль сада Михайловского замка, так что терцам пришлось перейти на галоп. Место было пустынное. – повстречались офицер, затем два или три солдата, показался мальчишка, тащивший салазки, а за ним молодой человек с небольшим свертком в руках.

Едва карета поравнялась с ними, неизвестный швырнул сверток прямо под копыта лошадей. Раздался ужасный взрыв, клубы дыма и снега закрыли все вокруг, зазвенели разбитые стекла, послышались крики и стоны. Когда же муть рассеялась, на окровавленном снегу среди осколков стекла обнаружили мальчишку, двух казаков и трупы лошадей.

Государь, оставшийся целым и невредимым, выпрыгнул из вывернутой взрывом кареты и бросился к раненым. Полицейские схватили преступника. Со всех сторон сбегался народ. Дворжицкий молил императора сесть в его сани, но тот сквозь расступившуюся толпу, готовую растерзать преступника, прошел к неизвестному и спросил, он ли кидал бомбу. Преступник отвечал утвердительно.

рвавшее его железное здоровье: в начале 1855 император заболел и вскоре, 18 февраля, скончался; многие современники считали, что Николай I, надломленный военными неудачами России, отравился.

⁸ Желябов Андрей Иванович (1851–1881) – революционер-народник, из семьи крепостных крестьян. С 1873 член кружка «чайковцев»; один из создателей и руководителей «Народной воли», член ее Исполкома, редактор «Рабочей газеты». Организатор покушений на Александра II. На процессе по делу «первомартовцев» произнес программную речь. Повешен в Петербурге. В. И. Ленин ставил Желябова в один ряд с Робеспьером и Гарибальди.

⁹ Блиндированная карета – экипаж, укрепленный изнутри стальными листами для безопасности и защиты от пуль.

Это был молодой невзрачный человечек, длинноволосый, маленького роста, в осеннем пальто из толстого драпа. На его голове вызывающе топорщилась шапка из выдры. Он мрачно, исподлобья глядел на царя.

Какой-то подпоручик, подбежав к толпе, испуганно спросил:

– Что с государем?

– Слава Богу, – отвечал подошедший государь, – я уцелел, но вот... – И показал на корчившихся людей.

Злодей, подняв голову, со злобным смехом прокричал:

– Не слишком ли рано вы благодарите Бога?!

– Хогош! – сказал император и направился к саням.

В этот же миг другой неизвестный, стоявший у решетки канала, бросил бомбу прямо под ноги государю. Прогремел второй оглушительный взрыв. И спустя время многие с ужасом увидели, как, прислонившись спиной к решетке, государь медленно повалился на бок и, упершись руками в панель, без фуражки и шинели, опустился на стылую брусчатку. Обнажившиеся ноги его были раздроблены, тело висело клочьями, лицо заливала кровь. Глаза его были открыты, но он, кажется, ничего не видел.

– Помогите же мне... – шептал император. – Жив ли наследник?.. Снесите меня во дворец... там умегеть.

Рядом стонал тяжело раненный Дворжицкий.

Первым к царю подбежал справлявшийся о нем подпоручик, затем – нагнавший его карету великий князь Михаил Николаевич. Они подняли его с панели, а прохожие, и в их числе несколько юнкеров Павловского училища и солдат флотского экипажа, помогли перенести государя в сани.

Император был без сознания...

Тридцатишестилетний цесаревич чувствовал себя растерянным и беспомощным, словно ребенок. Глазами, полными слез, он смотрел на отца и не мог понять, кто этот окровавленный безногий старик с красной полосой на лице и выпяченными губами. Неужели – батюшка?..

Александр Александрович оглядел комнату – врачи с засученными рукавами, которые распоряжались в кабинете государя словно у себя дома, княгиня Юрьевская, в полубеспамятстве лепетавшая бессвязные французские слова, седой камердинер Трубицын. И любимый шотландский черный сеттер Милорд, тоскливо не сводящий глаз с того, что было его хозяином. Как сквозь сон услышал он слова Боткина:

– Не прикажете ли, ваше высочество, продлить на час жизнь его величества? Это возможно, если впрыскивать камфару. И еще...

– Сергей Петрович! А надежды нет никакой?

– Никакой, ваше высочество...

Глядя на отца, тело которого содрогалось в предсмертных судорогах, цесаревич – нет, уже император! – вспомнил об откровении, которое явилось некогда Пушкину.

Об этом рассказывал отец петербургского цензора¹⁰ – поэт князь Вяземский.

Как-то в Царском Селе на квартире Жуковского собралось человек пять его близких друзей. Как раз в этот день батюшка, еще будучи наследником, прислал любимому воспитателю свой мраморный бюст. Тронутый таким вниманием, Жуковский поставил его на самое видное место в зале и подводил к нему каждого гостя. Вдруг Пушкин впился в мраморные черты странным, застывшим взглядом, закрыл лицо обеими руками и воскликнул надтреснутым голосом:

¹⁰ ...отец петербургского цензора... – Петербургский цензор – Вяземский Павел Петрович (1820–1888), историк литературы, археограф; председатель петербургского Комитета иностранной цензуры (с 1873), начальник Главного управления по делам печати (1881–1883).

– Какое чудное, любящее сердце! Какие благородные стремления! Вижу славное царствование, великие дела, и – о Боже! – какой ужасный конец! По колени в крови! – И как-то странно твердил последние слова.

«По колени в крови...» – повторил про себя Александр Александрович и, сдерживая рыдания, спросил Боткина:

– Долго ли проживет страдалец?

– От десяти до пятнадцати минут, – отвечал тот.

Цесаревич отвернулся и горько заплакал. Он обнял великих князей Владимира Александровича и Михаила Николаевича и сквозь рыдания сказал:

– Вот до чего мы дожили!..

Александр Николаевич уже агонизировал, дышал с перерывами, и зрачки его не отзывались на свет. Явился протоиерей придворного собора Рождественский с запасными дарами.¹¹

В тишине вслед за «Верую, Господи...» зазвучал канон при разлучении души от тела:

– «Житейское море, воздвигаемое зря напастей бурею, к тихому пристанищу Твоему притек, вопию Ти: возведи от Тли живот мой, Многомилостиве...»

Да, житейское море! И теперь ему, наследнику, предстоит вести в этом море корабль России!..

– «Святых ангел священным и честным рукам преложи мя, Владычице, яко да тех крылы покрывся, не вижу бесчестного и смрадного и мрачного бесов образа...»

Бесы! Это они наполняют смрадом житейское море, и несть им числа! Их дело – разлагать все здоровое, сеять смуту, толкать Россию к пропасти. Снова вспомнился Пушкин, стихи которого так любил отец:

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Словно листья в ноябре...¹²

Боткин, слушавший пульс у императора, кивнул головой и выпустил государеву руку.

– Государь император скончался! – громко произнес он.

Княгиня Юрьевская вскрикнула и упала как подкошенная на пол. Ее розовый с белым пеньюар был весь пропитан кровью. Милорд жалобно заскулил, уставившись стеклянными глазами на обезображенное тело хозяина.

Присутствующие опустили на колени. Над ними возвышалась коленопреклоненная фигура нового императора. Странная перемена произошла в нем. Это был уже не тот цесаревич Александр Александрович, который любил забавлять маленьких друзей своего сына Ники тем, что разрывал колоду карт или же завязывал узлом железный прут. В несколько минут он совершенно преобразился.

Нечто неизмеримо большее, нежели простое осознание обязанностей монарха, осветило его тяжелую фигуру. Какой-то огонь святого мужества загорелся в его спокойных глазах.

Он встал.

– Ваше величество имеет какие-нибудь приказания? – смущенно спросил вызванный градоначальник.

– Приказания? – переспросил Александр III. – Конечно! Но, по-видимому, полиция совсем потеряла голову. В таком случае армия возьмет в свои руки охрану порядка в столице.

¹¹ *Запасные дары* – хлеб и вино (Святые Тайны тела и крови Христовой), освященные и хранимые в церкви для преподавания больным в случае их смерти, в напутствие к вечности.

¹² «Бесконечны, безобразны // В мутной месяца игре...» – строки из стихотворения А. С. Пушкина «Бесы».

Государь повелел привести своих детей и детей княгини Юрьевской.

Появились двенадцатилетний Николай, девятилетний Георгий, шестилетняя Ксения; принесли двухлетнего малыша, великого князя Михаила. Робко вошли пугавшиеся Александра Александровича Юрьевские – восьмилетний Георгий и семилетняя Ольга.

– Смотрите же! Смотрите! – встретил их новый император, указывая на обезображенное, неприбранное тело отца. – Смотрите, чем все это кончилось!

Маленький Ники, теперь уже наследник престола, в ужасе глядел на труп безногого деда своими большими, газельими глазами. Впечатлительный мальчик запомнил этот страшный день навсегда. И не о нем ли, об окровавленном бездыханном Александре Освободителе, вспомнилось ему в ночь на 17 июля 1918 года, в ту ужасную минуту, когда злодей Юровский зачитал короткое решение «революционного штаба», оборвавшее жизнь монарха и еще десяти невинных жертв...¹³

Камер-лакеи спешно отбивали замазку с остекленных дверей. Потом престарелый и безголосый князь Суворов, внук генералиссимуса, вышел на балкон и объявил:

– Император Александр Второй почил в Бозе... Воцарился сын его император Всероссийский Александр Третий...

Толпа росла стремительно, притекая отовсюду, словно Нева вышла из берегов и затопила площадь. Глухой рокот перекатывался по ней, и можно было расслышать возгласы сочувствия и просьбы, чтобы новый государь вышел к народу. Но император не появился.

Врачи уже готовились к бальзамированию тела покойного, когда к Александру III неслышно подошел и стал рядом Лорис-Меликов.

– Ваше величество! – тихо сказал он, привстав на цыпочки и почти касаясь огромными седыми бакенбардами щеки молодого императора. – Мне было приказано покойным государем опубликовать в завтрашнем номере «Правительственного вестника» манифест о преобразовании Государственного совета и созыве Земской думы...

– Да-да, – рассеянно отвечал Александр Александрович. – Я всегда уважал волю отца...

Но губы его неслышно шептали:

– Я буду править по-другому!

¹³ ...злодей Юровский зачитал короткое решение «революционного штаба», оборвавшее жизнь монарха и еще десяти невинных жертв... – Юровский Яков Михайлович (1878–1938) – товарищ комиссара юстиции Уральской области, член коллегии облЧК, депутат Уральского совета, комендант Дома особого назначения (дома Ипатьева), в подвале которого в ночь с 16 на 17 июля 1918 были расстреляны государь, его семья и прислуга; в 1920-х – работник Гохрана (Государственного хранилища ценностей) РСФСР, умер от прободения язвы желудка. Руководил убийством Николая II и его окружения. Решение о казни последнего государя и близких ему лиц было принято Уральским областным советом с санкции ВЦИК. Вместе с царем были расстреляны: императрица Александра Федоровна, цесаревич Алексей Николаевич, великие княжны Мария, Ольга, Анастасия и Татьяна, лейб-медик К. С. Боткин, комнатная девушка государыни А. С. Демидова, лакей А. Е. Трупп, повар И. М. Харитонов.

Глава вторая Цесаревич

1

В Ницце, среди вечнозеленых растений, вблизи теплого моря тихо угасал наследник российского престола.

Обожавший старшего брата двадцатилетний великий князь Александр Александрович примчался из Петербурга, когда уже не оставалось никаких надежд.

Болезнь проявилась внезапно. Прошлым годом, после Пасхи, когда двор переехал из столицы в Царское Село, наследник вдруг занемог и должен был остаться в Петербурге. Чем он занемог, оставалось загадкой, так как состоявший при нем доктор Шестов сам толком не знал, что к чему, и объявил, что это всего лишь легкая простуда.

Но когда Александр Александрович пришел проститься с братом, то увидел его в кровати с бледным, словно полотно, лицом и сам испугался своего впечатления.

– Что с тобой, Никса, милый? – только и сказал он.

– Слабость, Саша... И временами боли в пояснице... Но Шестов обещает, что это все пройдет... – слабым голосом отвечал цесаревич.

Александр Александрович никак не мог взять в толк, как это слабая простуда могла отразиться на лице брата такой страшной переменой. Но с того дня лицо цесаревича утратило молодую свежесть и приняло желтоватый оттенок. Видимо, болезнь начала свое разрушительное действие.

Не было ли причиной то, что год назад наследник упал с лошади и ударился о землю головой? Но Шестов не обратил на это внимания. Позже при дворе повторяли мрачную шутку камер-юнкера¹⁴ князя Мещерского: великие мира сего находятся в наихудшем положении сравнительно с простыми смертными: у них есть *свой* врач.

Шестов наметил для наследника морское лечение в Скевенгине, в Голландии, и это стало началом его гибели.

Летом 1864 года вся царская семья выехала за границу. Император и императрица с младшими детьми отправились в Дармштадт, великий князь Владимир Александрович – в Штутгарт, а цесаревич – в Голландию на морские купанья. Его сопровождали воспитатель граф Строганов, флигель-адъютант¹⁵ Рихтер, наставник по государственному праву Чичерин, преобразенец князь Барятинский, кирасир Козлов, племянник первого главного воспитателя Зиновьева, и, конечно, доктор Шестов.

Раз от разу наследнику становилось все хуже от морских ванн. Но только Козлов видел, что Николай Александрович тает как свеча, чувствуя свою болезнь, о которой доктора не подозревали. С каким-то глубоким фатализмом сам цесаревич относился ко всему, что с ним происходит. Гуляя перед сном по пляжу, он говорил Козлову:

– Трудно передать мое состояние... Бывают минуты, когда я ужасно страдаю... Наступает бессонница, тоска гложет, не знаешь, куда деваться... Выступает холодный пот, бред какой-то начинается... И когда все это проходит, является предчувствие смерти... – И добавил после паузы: – Но это как будто легче...

– Отчего же вы ничего не говорите доктору? Есть тут и другие хорошие доктора!

¹⁴ *Камер-юнкер* – младшее придворное звание.

¹⁵ *Флигель-адъютант* – младшее свитское звание для штаб- и обер-офицеров армии и флота.

– Ах, Павлик! Не стоит. Они скажут, что это нервы, действие морских купаний...

– Так позвольте, я поговорю с Шестовым?

– Нет, ни в коем случае. Может, все это и пройдет и я опять стану молодцом. Одно мне тяжело, Павлик, в такие минуты – быть без Саши. Его чистая и спокойная душа так хорошо на меня действует...

Сухо шуршала галька под набегавшей и пенно рассыпавшейся волной. Вечное небо и вечное, по человеческим меркам, море, вдоль берега которого шли русский принц, отягощенный заботами о будущем России, и просто столбовой дворянин – равно смертные, равно беззащитные перед взмахом обрывающей жизнь косы.

– Ваше высочество! – неосторожно сказал Козлов. – Что же будет, если с вами что-нибудь случится? Кто будет править Россией? Ведь ваш брат Александр к этому совсем не подготовлен!..

Цесаревич внимательно оглядел своего кирасира.

– Ты моего брата совсем не знаешь, – наконец ответил он. – У него сердце и характер вполне заменяют способности. Нет, они даже выше всех прочих способностей, которые человеку могут быть привиты!

Наследник непрестанно возвращался мыслями к младшему брату – «моему Саше» – как к чудесному человеку, необыкновенно доброму и мягкому сердцем. Характер цесаревича в эти последние месяцы несколько переменился. При замечательном уме и способностях, тонкости в понимании людей он хотел прибегая к кокетству, всем нравиться и играл сарказмами, острил, ерничал. Наследник был полной противоположностью младшему брату, отличаясь некоторой изнеженностью и, как сам выражался, «рыбьим темпераментом». И то обожание, какое он испытывал к Александру, объяснялось недостижимой для него нравственной чистотой.

Братья любили друг друга особенной даже для самых близких родственников любовью.

В глазах Александра старший брат выглядел совершенством. Цесаревич был необыкновенно хорош собой и знал это. Он получил образование и воспитание, о котором великий князь мог только мечтать.

Лучшие педагоги и ученые занимались им и хвалили его способности, тогда как младший брат довольствовался Законом Божиим в уложении священнослужителей Бажанова и Рождественского, военной историей и тактикой, курсы которых читал генерал Драгомиров, и законоведением по лекциям Победоносцева. Правда, был еще знаменитый историк Соловьев, сделавший многое, чтобы придать образованию обоих великих князей истинно русский национальный характер.

Впрочем, что лукавить: великий князь Александр не испытывал горячего влечения к наукам и по династической традиции Романовых предавался всего более военным утехам. Его воспитатель Перовский смотрел на это сквозь пальцы, между тем наставник цесаревича граф Строганов без устали приобщал Николая Александровича к наукам.

Один из образованнейших людей своего времени, граф Сергей Григорьевич был человеком удивительной судьбы и достоинств. Восемнадцатилетним юношей он отличился в Бородинском сражении, затем участвовал во взятии Шумлы в 1828 году и в Севастопольской кампании. Ему как попечителю московского учебного округа Московский университет обязан блестящей эпохой: он искал расположения выдающихся людей и покровительствовал целой плеяде талантливых профессоров: Бодянскому,¹⁶ Грановскому,¹⁷ Кавелину,¹⁸

¹⁶ *Бодянский* Осип (Иосиф) Максимович (1808–1877) – славист, издатель древнерусской и древнеславянской литературы и исторических памятников, член-корреспондент Петербургской академии наук; из семьи священника. Экстраординарный (1842), затем ординарный (1847) профессор Московского университета, читал лекции по славянской истории, литературе, фольклору. По воззрениям был близок московским славянофилам, С. Т. Аксакову. Сторонник университетской автономии; в 1868 забаллотирован при избрании на очередное пятилетие преподавательской деятельности и уволен из университета с присвоением звания заслуженного профессора. Значительный историко-культурный интерес представляют его дневники, опубликованные в 1900 году.

Шевыреву,¹⁹ Соловьеву, Буслаеву,²⁰ состоял председателем Московского общества истории и древностей российских и издал под своим руководством монументальный труд «Древности Российского государства», а сам написал замечательную книгу «Дмитриевский собор во Владимире-на-Клязьме». Строганов основал Археологическую комиссию, председателем которой оставался до конца своей долгой жизни, содействовал раскопкам на Черноморском побережье и значительно поднял научный интерес к нумизматике, оставив богатейшую коллекцию русских монет. Он был главным воспитателем всех великих князей, однако основное внимание уделял наследнику.

Можно сказать, граф Строганов готовил цесаревича к престолу, а цесаревич своего друга и брата – к его судьбе. Но при полной свободе делать все, что ему заблагорассудится, великий князь Александр обладал таким нравственным инстинктом, что его воспитатель граф Перовский не раз говорил:

– Приходится думать не о том, чтобы улучшить нравственное чувство великого князя, а о том, чтобы не портить его.

Душа Александра Александровича затворялась при малейшем прикосновении к ней фальши, лукавства к всего того, что составляло придворную жизнь. При этой правдивости его натуры выступали наружу и ее недостатки: много лени и еще больше упрямства. Воспитатель Гогель сердился на то, что великий князь отлынивал от занятий как мог. Ломать же его упрямство было невозможно и бесполезно: оно только усиливалось от противодействия. Но так как он был добр и мягок сердцем и необыкновенно деликатен, то можно было одолевая это упрямство обходными путями, воздействуя на сердце, на честность и доброту великого князя.

Говорили, что любимым сыном государя был второй сын, а любимцем матери – цесаревич.

Осенью Николай Александрович ездил в Данию на помолвку с принцессой Дагмарой. Он был бесконечно счастлив, что женится по любви, и по любви взаимной, что так редко случалось в семьях монархов. Цесаревич прибыл в Копенгаген морем на фрегате «Александр Невский» в составе эскадры, которой командовал адмирал Головачев. Король Христиан IX дал в его честь парадный обед, где было объявлено о помолвке наследника и Дагмары.

Вернувшись в Россию, Николай строил радужные планы, делился с братом:

– Я могу сказать, что предчувствую счастье... Теперь я у берега. Бог даст, отдохну и укреплюсь здоровьем зимой в Италии. Затем свадьба, а потом новая жизнь, семейный очаг, служба и работа... Пора... Жизнь бродяги надоела... В Скевенгине все черные мысли лезли в голову. В Дании они ушли и сменились розовыми. Мне дала их моя ненаглядная невеста, и с тех пор я живу мечтами о будущем. Мне рисуется наш дом и наша общая жизнь в труде и простых радостях... Любовь и отцовство!..

ликованные в извлечениях в журналах второй половины 80-х – первой половины 90-х XIX века.

¹⁷ *Грановский* Тимофей Николаевич (1813–1855) – историк, общественный деятель, коллежский советник (1856); из дворян. Крупнейший представитель западнического направления в русской общественной мысли. С 1839 читал в Московском университете курс истории средних веков, затем Древней истории и истории Нового времени. С 1849 – ординарный профессор Московского университета, в 1855 – декан исторического факультета. Полное собрание сочинений в 2 т. М., 1905.

¹⁸ *Кавелин* Константин Дмитриевич (1818–1885) – юрист, историк, общественный деятель, адъюнкт по кафедре истории русского законодательства в Московском университете (с 1844), читал лекции о русских государственных и губернских учреждениях и законах. Принимал участие в подготовке Крестьянской реформы 1861, преподавал правоведение наследнику престола, великому князю Николаю Александровичу в 1857–1858. Полное собрание сочинений в 4 т. 1897–1900.

¹⁹ *Шевырев* Степан Петрович (1806–1864) – историк литературы, критик, поэт; из дворян. Представитель славянофильства. Преподавал словесность в Московском университете (с 1832), читал лекции по истории поэзии и истории русского языка и слога (1836–1837). Автор «Истории поэзии» в 2 т. М., 1835–1892; «Теории поэзии в историческом развитии у древних и новых народов». Спб, 1887; «Стихотворений». Л., 1939.

²⁰ *Буслаев* Федор Иванович (1818–1897) – филолог, искусствовед, педагог, академик Петербургской академии наук; из семьи чиновника. С 1847 преподаватель Московского университета, адъюнкт (1848), экстраординарный (1850), ординарный (1859) профессор, заслуженный профессор (1873). Представитель мифологической школы в русской науке. Сочинения в 3 т. СПб. – Л., 1908–1930.

Он припоминал подробности помолвки на парадном обеде:

– Знаешь, Саша, когда король в должное время провозгласил тост за невесту и жениха, Головачев, сидевший рядом с ним, попробовал шампанское, поморщился, поставил бокал и громко сказал: «Горько». Король Христиан с недоумением и не без обиды заметил, что это самый изысканный сорт шампанского – брют²¹ «Гордон вер». Головачев объяснил: не могу-де пить шампанское – оно «горькое»; по русскому обычаю вино можно пить на помолвке только после того, как жених и невеста поцелуются и оно станет сладким. Христиан пришел в восторг от объяснения адмирала и приказал нам с Дагмарой поцеловаться при всеобщем оживлении. После обеда я обнял Головачева, поцеловал его и сказал: «Дмитрий Захарович! Благодаря вам я в первый раз поцеловал свою невесту и никогда этого не забуду!»

...Зима кончилась как началась – весело.

Итальянская опера в Большом театре и французские спектакли в Михайловском, кажется, еще никогда не представляли такого блестящего бельэтажного бомонда, как в ту зиму. Это были феерические выставки великолепнейших туалетов и фамильных драгоценных камней. Балы поражали своей роскошью. Улыбки сияли на всех устах, и можно было подумать, что в этом разливанном море красоты, нарядов, бриллиантового блеска ни у кого нет забот и царит полное довольство.

Цесаревич уехал сперва в Италию, а после – в Ниццу. Тон его писем брату оставался жизнерадостным. Он говорил о будущем, ощущая возврат энергии и живого интереса ко всему шутил и острил. В каждом письме ощущалось веселое состояние духа.

И вдруг как удар молнии – телеграмма из Ниццы от государыни Марии Александровны с роковым известием.

Сраженный горем, Александр Александрович совершил путь до Ниццы за восемьдесят пять часов – по тем временам с невероятной быстротой. Через два дня выехал император, сопровождаемый великими князьями Владимиром и Алексеем. Одновременно из Копенгагена царский поезд повез принцессу Дагмару с августейшей матерью королевы Луизой и братом Фридрихом, наследным принцем Датским.

В белоснежной, словно корабль под парусами, вилле Бермон великий князь нашел брата уже умирающим.

Николай Александрович бредил, временами к нему возвращалось сознание, хотя он и не понимал своего положения. Врачи – Пирогов, Опольцер, Здекауэр – поставили страшный диагноз: спинномозговой менингит. Брат вместе с принцессой Дагмарой могли видеть цесаревича изредка и на короткое время, только с разрешения докторов. А вечерами Александр Александрович говорил и говорил принцессе о замечательном уме наследника, его способностях и познаниях.

Надо сказать, что великий князь робел в присутствии женщин и даже дичился их. Но общее горе сблизило его с Дагмарой, хотя она и не показалась ему: маленького росточка, чуть курносая, правда, чернокудрая и с голубыми глазами. Глазами, «словно отразившими воды датского Северного моря», как немного высокопарно говорил Никса. «Но брату виднее. Он лучше понимает прекрасный пол», – думал великий князь.

Между тем беда приближалась.

Накануне кончины наследник провел ночь без сна, наступил быстрый упадок сил, но вместе с тем – полная ясность сознания. Вечером с одиннадцатого на двенадцатое апреля вокруг смертного одра собралась царская семья: безутешные родители, Александр Александрович и принцесса Дагмара. В минуту кончины государь и императрица держали одну руку умирающего, другую – невеста и брат.

Последними словами цесаревича были:

²¹ *Брют* – разновидность шампанского, содержащего минимальный процент сахара.

– Саша! Я прошу тебя выполнить мою просьбу...

– Конечно, Никса, – не стыдясь слез, отвечал великий князь.

– Оставляю тебе тяжелые обязанности... Славный трон... Отца, мать... – слабым голосом проговорил Николай Александрович. – И невесту... которая облегчит тебе это бремя...

У двадцатилетнего брата упало сердце. Ведь он уже был влюблен и оставил эту любовь в России. И это была его, только его тайна. Александр Александрович опустил голову, и слезы еще сильнее полились по его лицу.

Некоторое время спустя на том же фрегате «Александр Невский», на котором цесаревич прибыл в Копенгаген на помолвку, гроб с его телом проследовал из Вийефранш-сюр-мер, близ Ниццы, в Петербург для погребения...

2

Что это было? Провидение или его величество случай?..

Приехав в Ниццу, по собственным словам, «простым великим князем», а вернувшись наследником российского престола, Александр Александрович очень переменялся.

Придворные увидели в этом двадцатилетнем юноше как бы другого человека. Исчезло детское по беззаботности выражение лица, и на лбу, ближе к переносице, образовались складки, которые изменяли его физиономию, отражая, когда они появлялись, душевную заботу и умственное напряжение. В душе его уже появился зародыш той драмы, которая, развиваясь, мучила его неизбежностью будущего царствования. И чем дальше, тем больше эти складки на лбу стали врезываться в его лицо. Изменился и сам взгляд его, выказывающий теперь глубокую заботу, исчезла детская беспечная веселость, и кажется, навсегда.

Новый цесаревич с двумя младшими братьями вернулся в Россию раньше государя – царская чета решила провести некоторое время на родине Марии Александровны, в Дармштадте. Императрица хотела хоть немного прийти в себя после страшной потери. В Царском Селе наследника встречал камер-юнкер князь Мещерский. Внук Карамзина, чиновник особых поручений при министре внутренних дел Валуеве, он сделался одним из самых близких друзей Александра Александровича.

Мещерский переехал в маленькую комнату дворца, выходящую в сад. Вечерами они гуляли с цесаревичем. Однако во время прогулок тот был невесел и неразговорчив. Понимая его душевное состояние, князь воздерживался от того, чтобы занимать августейшего собеседника. Как-то Александр Александрович предложил ему присесть на скамейку и глубоко вздохнул.

– Тяжело вам? – спросил Мещерский.

– Ах, Владимир Петрович, – отвечал цесаревич. – Я одно только знаю, что я ничего не знаю и ничего не понимаю. На меня обрушились разом два удара. Вдруг создалось положение, страшное по тяжести, и тут же я лишился моего единственного друга, руководителя и спутника! И тяжело, и жутко, а от судьбы не уйдешь...

– Зачем же унывать? Есть люди хорошие и честные. И они вам помогут.

Наследник покачал головой:

– Я и не думаю унывать. Это не в моей натуре. Я всегда на все глядел философом. Но теперь нельзя быть философом. Прожил я себе до двадцати лет спокойно и беззаботно. И вдруг сваливается на плечи такая ноша! Вы говорите – люди. Да, я знаю, что есть и хорошие, и честные люди. Но и немало дурных. А как разбираться? И потом, как я со своим временем управлюсь? Строевая служба – придется командовать. Учиться надо, читать надо, людей видеть надо. А где же на все это время?..

В самом деле, великому князю предстояло теперь страшно много забот. Ему надо было серьезно заниматься военной службой и в то же время нельзя было избежать официальной,

даже парадной стороны своего нового положения. Надо было непременно присутствовать на всех приемах и попевать везде, где появлялся государь. Покойного цесаревича оберегал граф Строганов, который отвоевал для своего воспитанника право никуда не ездить в часы урочных занятий. Но для Александра Александровича никто не мог добиться подобных льгот, тем более что император с самого начала дал понять, насколько он дорожит тем, чтобы новый наследник всюду сопровождал его.

Однако когда Александр II пригласил к себе генерал-адъютанта Оттона Борисовича Рихтера и поручил ему руководить подготовкой цесаревича к предстоящим ему обязанностям, тот пришел в ужас, узнав, сколь пренебрегали образованием Александра Александровича. По-русски наследник писал полуграмотно, а познания его по научным предметам оказались весьма ограниченными...

Люди! Кто должен окружать наследника престола и готовить его к высшему призванию? Кто обязан влиять на формирование его личности, приуготовлять к знакомству с Россией и учить познавать ее? Между тем сам строй жизни великих князей был таков, что наставники подворачивались случайно. Хорошо, когда подвернувшийся оказывался мудрым и знающим, порядочным и честным, ну а коли нет?..

В сущности, великие князья могли знакомиться с кем-либо только в гостиных и видаться с ними в гостиных. Исключение, пожалуй, составляли лишь встречи на катке в Таврическом саду. Эти катания были введены в моду покойным цесаревичем, и с того времени весь петербургский бомонд обзавелся коньками, чтобы ежедневно бывать от двух до четырех пополудни на Таврическом катке, в обществе великих князей.

Во всяком случае, Александр Александрович уже силой обстоятельств был принужден видеть лишь парадную, или внешнюю, сторону жизни, общаться с людьми, всегда ему улыбающимися, со всем соглашающимися и во всем поддакивающими, всегда восхищающимися тем, что он скажет. В то же время исподнюю сторону действительности он мог узнавать только от услужливых сплетников, любителей и искусников великой придворной науки – *causerie*, то есть светской болтовни.

Мог, но не желал, даже от близких людей.

– Конечно, я понимаю вас, – рассуждал во время вечерних прогулок в Царском Селе князь Мещерский. – Вас окружают по преимуществу флюгера. Придворные, которые прекрасно чувствуют, откуда дует ветер...

– Вот-вот! – подхватил наследник. – А я терпеть не могу этих переменчивых особ.

– Кстати, могу подтвердить это недавним примером, – поделился Мещерский. – Как-то, когда еще был жив цесаревич, мне пришлось вести беседу с двумя из ваших приближенных по службе лиц. С одним из имевших обязанности по учебной части и с другим – по военной. Оба они позволили себе *тогда* превозносить вашего брата и критически отзываться о вас. И что же? Недавно встречаю их и слышу такие хвалы в ваш адрес, что стало за них неловко. Их имена...

– А вот тут, – перебил его Александр Александрович, – я даже не желаю, слышите, Владимир Петрович, чтобы вы продолжали. Мне это, право, неприятно, хотя я догадываюсь... Лучше расскажите мне о вашей кухне, княжне Маше Мещерской.

Это и была тайная любовь цесаревича.

3

Впрочем, разве может что-либо остаться тайной при дворе?

Все стали подмечать: когда вечерами папá, мамá и приближенные ко двору особы собираются за круглым столом играть в кинга, наследник старается сесть рядом с фрейлиной Мещерской и заливается пунцовым румянцем, если она обращается к нему, а после карт не сразу

поднимается к себе, но провожает ее по коридору почти до дворцовой церкви. С Машей Мещерской великому князю было на удивление весело и легко. Прежде он всегда конфузился, оказываясь – в редких случаях – в компании девушек, стеснялся своего большого тела, неловкости манер, скованности в разговорах. Белокурая, грациозная, с талией в рюмочку, Маша Мещерская растопила его неловкость и смущение.

Александр Александровичу вдруг вспомнилась поездка в Москву в недавнем и далеком 1861 году на торжества по случаю отмены крепостного права. Его и брата Владимира повезли в коляске на Воробьевы горы. Там их окружили молоденькие торговки вишнями, с которыми брат мило шутил, а сам он мог лишь с легкой завистью глядеть на хорошеньких простушек, так непохожих на чопорных салонных барышень. Володя дразнил его потом: «Бычок!» И это прозвище прилипло к нему. Своей живостью и простотой Мещерская напоминала ему тех веселых москвичек.

Однако и с ней все было не так просто. Как-то цесаревич не понял, не разгадал ее милого желания остаться на две-три минуты наедине в полумраке дворцового коридора и утром получил от нее записочку: «Вы несносный увалень и дурной кавалер». Брат Володя на его месте только бы посмеялся и обратил все в шутку, но Александр переживал, мучился, исходил злобой: действительно бычок. Он сердился на Машу, а еще больше на свой упрямый характер.

Вечером, как всегда, за картами Мещерская пыталась несколько раз заговорить с великим князем, но тот отмалчивался и отводил глаза. Когда же она впрямую спросила, в чем дело, наследник дрожащим от обиды голосом ответил:

– К чему вы со мной разговариваете после того, как написали... Мне лучше всего молчать...

В отличие от своих сверстников – великих князей, Александр Александрович и в двадцать один год оставался невинным и был до того переполнен силой, что у него от этого времени шла носом кровь. Увлечшись – впрочем, вполне платонически – впервые в жизни, он страдал и переживал из-за каждого пустяка. Когда после карт цесаревич простился с папá и мамá и вышел в коридор, то не пожелал идти рядом с Мещерской, а пошел в свои покои с камер-юнкером Козловым. Но Маша остановила его со словами: – Ради Бога, не сердитесь на меня!

– Я нисколько не сержусь... – пробормотал великий князь и отвернулся.

У лестницы, ведущей к нему в комнаты, Александр хотел было проститься с капризной горячкой, но она принялась просить пройти с нею дальше. Цесаревич же твердо сказал:

– Нет? Не стóит!..

А потом не спал ночь.

«Я ведь влюблен, влюблен по уши... – говорил себе. – Нет, это моя судьба! Пусть она немного капризна и своенравна, но я сам во всем виноват. И как я могу завтра ехать на торжества, которые устраивает в своем мореходстве Дядя Костя?! Ведь спускают шлюпку, которую нарекли „Дагмарой“! И что мне делать? Я обещал Никсе жениться на датской принцессе, но теперь не в силах это обещание выполнить! Нет, надо отказаться от свадьбы с Дагмарой, которую не могу и не хочу любить, и если будет возможно, жениться на милой Маше, моей дусеньке. Может быть, будет лучше, если я отрекись от престола. Я ведь слишком мало знаю людей, и мне страшно надоедает все, что относится до моего теперешнего положения! Я не хочу другой жены, как Мещерской! Вот это был бы замечательный поворот в моей жизни! Я, без сомнения, обрету счастье с дусенькой, и она родит мне детей! Как несносно, что поездка в Данию на носу и преследует меня, словно кошмар!..»

Наутро, встав с тяжелой головой, цесаревич отправился кататься в шарабане с тайной надеждой встретить Мещерскую и объясниться с ней. Однако его остановили ехавшие в коляске родители, и мама спрашивала, что с ним, не заболел ли он? А за чаем, осмелев после бессонной ночи, наследник сел рядом с Машей и просил прощения за вчерашнюю резкость.

Как она была мила! Ему так хотелось обнять свою дусеньку и прижать к своей груди как можно крепче!

Вечером через лакея Александр получил от нее длинное нежное письмо и, счастливый, заснул. Теперь он каждый вечер горячо молил Бога, чтобы Он помог ему отказаться от престола и, коли возможно, устроить счастье с милой дусенькой. Цесаревича теперь мучило только то, что в решающую минуту она может отказаться от него. И тогда все пропало! В записочке, которую лакей отнес Мещерской, Александр спрашивал, согласна ли Маша стать его женой и нужно ли ему ехать в Данию. Дусенька отвечала, что ехать в Данию нужно, а если как-нибудь все устроится, то она обвенчается с ним.

Об участвовавшей меж ними переписке и ее содержании лакей, понятное дело, докладывал государю. И не только ему, раз в газетах появились статейки с намеками на то, что брак цесаревича с принцессой Дагмарой вряд ли состоится. Бойкие датские журналисты тут же пропечатали об этом в Копенгагене. Сам министр двора граф Адлерберг появился в покоях наследника, сообщив, что его желает видеть император.

Отец встретил наследника резким вопросом:

– Когда мы едем в Данию?

– Я не могу ехать, па!.. – заикаясь от волнения, отвечал Александр. – Ты меня прости, па!.. Но я чувствую, что решительно не люблю принцессу Дагмару... И поэтому не хочу на ней жениться...

Лицо императора пошло пятнами:

– Ты что, хочешь, чтобы я так и пегедал все это в Данию?

– Нет, я этого не хочу, – потупился цесаревич. Он вспомнил Машу и ее письмо с согласием выйти за него замуж, набычился и упрямо проговорил: – Я решил отказаться от престола, потому что чувствую себя неспособным...

Государь побледнел и, картавя сильнее обычного, начал отрывисто бросать слова:

– Ты что думаешь... я по своей охоте на этом месте?.. Газве наследник должен *так* смотреть на свое пгизвание?.. Ты, я вижу, сам не знаешь, чего хочешь!.. Ты с ума сошел!.. Одумайся же наконец!..

– Нет, – тихо сказал цесаревич. – Это мое решение.

Император отвернулся и, не оборачиваясь, перешел на военный тон:

– Если так, то знай! Я сначала газговагивал с тобой как с дуггом. А тепегь я гешительно пгиказываю тебе ехать в Данию. И ты поедешь! А княжну Мешегскую, – тут в его голосе появились знакомые ядовитые нотки, – я отошлю к тетке! Пусть сидит взапегти у стагухи Чегнышовой и не смеет появляться в свете!..

«Боже! Боже! – ужаснулся наследник. – Я, кажется, готов примириться со всем, но никогда, никогда не утешусь, зная, что стал причиной немилости дорогой Маши! Что это за жизнь?! Стоит ли жить после этого?!»

– Па! – вырвалось у него. – Я готов на коленях молить тебя не выгонять княжну!..

– Убигайся вон! – зашелся в крике император. – Я с тобой говогить не хочу и знать тебя не хочу!..

Цесаревич, волоча ноги, пошел к двери, но его нагнал голос отца:

– Постой...

Это был уже совсем иной тон – виновато-мягкий и задушевный.

Цесаревич обернулся. Отец стоял к нему лицом. Из глаз его текли слезы.

– Послушай меня, – кротко, почти нежно проговорил Александр II. – Я был сам совегшенно в том же положении, что и ты, пегед тем, как жениться. Я ведь тоже любил и тоже хотел отказаться от пгестола. Мой стгогий отец и твой дед даже собигался заточить меня в кпепость. Пготив своего желания поехал я в Дагмштадт и там обгел свое счастье...

Наследник медленно обдумывал сказанное, переминаясь своим тяжелым телом.

– Хорошо, папá, – наконец сказал он. – Я поеду в Данию...

4

А пока что Александр Александрович отправлялся в трехнедельное путешествие по России.

Его сопровождали брат Владимир, преподаватель законовещения Победоносцев, профессор политической экономии Бабст и художник-маринист Боголюбов, внук Радищева. В свите состояли граф Перовский, адъютанты князь Барятинский и Козлов, перешедшие к нему от покойного брата, и камер-юнкер князь Мещерский. Государь стремился восполнить пробелы в образовании Александра Александровича, а заодно и отвлечь его от любовного чувства.

Интерес поездки заключался уже в том, что это было первое путешествие молодого цесаревича по России и первое его свидание с ней.

Такое же путешествие по России три года назад совершил в сопровождении Победоносцева цесаревич Николай. Правда, тогда маршрут был от Петербурга до Крыма; нынешний же предполагал знакомство с Волгой и ее великими и малыми городами.

Будущий государь познакомился с Россией, и Россия познакомилась с ним.

Впрочем, будущий ли государь или просто великий князь, муж Марии Мещерской? Александр Александрович вспомнил свое последнее свидание с дусенькой, прощальные поцелуи и ее слова:

– Я никогда не знала, что ваша любовь ко мне так сильна... А о своей любви к вам я не откруюсь никому...

В Китайском кабинете Петергофского дворца наследник перед отъездом меланхолически говорил Победоносцеву:

– Как я мечтаю найти пристань и дом свой! Как хочу обрести семью, покой, детей...

– Да, ваше высочество! – твердо отвечал Победоносцев, глядя сквозь очки своим немигающим взором. – Семья – основа государства, и потому первый человек в государстве обязан подавать нравственный пример всем гражданам.

Каждый вкладывал в свои слова особый смысл. Если цесаревич мечтал о фрейлине Мещерской, то Победоносцев позволил себе завуалированный намек на императора. У Александра Николаевича роман сменялся романом, хотя главной фавориткой оставалась княжна Александра Сергеевна Долгорукая, которую за решительность и влияние на царя прозвали «La grande Mademoiselle».²² Впрочем, никто не предполагал, что ее скоро сменит дальняя родственница Александры Сергеевны – семнадцатилетняя княжна Екатерина Долгорукая...

Но можно ли упрекнуть учителя, наставляющего своего царственного воспитанника в добродетелях? Владимир Александрович хотел было срезать профессора-правоведа, но вовремя прикусил язык. В Петербурге всюду шушукались о любовных похождениях юного великого князя, и Победоносцев в своей иезуитской манере мог бы без промедления поставить его на место.

– Поймите, Константин Петрович, – с затаенной грустью сказал цесаревич, – я однолюб и, конечно, буду верен своей избраннице по гроб жизни...

– Знаю, ваше высочество. И всем сердцем радуюсь этому, – отвечал Победоносцев. – Так будьте же теперь таким однолюбом и в отношении к вашей великой невесте – России!..

Из Петергофа путешественники отправились поездом до Твери, некогда удельного княжества, соперничавшего с Москвой. Там наследника встречали губернатор князь Багратион и губернский предводитель дворянства князь Мещерский, дальний родственник Маши. Александр Александрович познакомился с героем войны 1812 года семидесятивосьмилетним

²² «Всесильная барышня» (фр.).

литератором и поэтом Федором Глинкой и с ветераном-декабристом Матвеем Ивановичем Муравьевым-Апостолом, восьмидесяти двух лет, которому некогда смертную казнь заменили бессрочной каторгой и который был прощен Александром II.

Наследник плохо знал писания Глинки и охотно передал нить разговора князю Мещерскому.

– Вашими «Письмами русского офицера»²³ зачитывалась вся Россия! – говорил камер-юнкер. – А что пишете вы теперь?

– Полноте! Что я могу нынче писать, – добродушно отвечал старик. – Сейчас я перешел в разряд читателей...

Мещерский знал о едкой эпиграмме, которой наградил Глинку Пушкин, именовавший его «Кутейкиным в эполетах». «Дьячок Фита, ты Ижица в поэтах!» – вспомнилось князю.²⁴ Но он знал и о том, что сам Глинка, боготворивший Пушкина, на это не сердился, прощая гению его колкости.

– Но вы еще и прекрасный поэт, гордость России, – не унимался Мещерский.

– Бог с вами, – улыбнулся Глинка. – Я всего лишь деятель заштатных годов литературы...

– Заштатных? Ничего подобного! – возразил Мещерский и продекламировал:

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!

Опоясан лентой пашен.
Весь пестреешь ты в садах:
Сколько храмов, сколько башен
На семи твоих холмах!..

Исполинскою рукою
Ты, как хартия, развит
И над малою рекою
Стал велик и знаменит!

На твоих церквах старинных
Вырастают деревья;
Глаз не схватит улиц длинных...
Это матушка-Москва!

²³ «Письма русского офицера» – книга Ф. Н. Глинки (1786–1880), поэта, публициста и прозаика, впервые вышедшая в 1808 и значительно дополненная новыми материалами в издании 1815–1816. О содержании произведения дает представление ее полное название во втором издании: «Письма русского офицера о Польше, австр. владениях, Пруссии и Франции с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806 гг., а также Отеч. и заграничной войны с 1812 по 1815 год. С присовокуплением замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отеч. губернии».

²⁴ Мещерский знал о едкой эпиграмме, которой наградил Глинку Пушкин, именовавший его «Кутейкиным в эполетах». «Дьячок Фита, ты Ижица в поэтах!» – вспомнилось князю. – Речь идет об эпиграмме А. С. Пушкина: Наш друг Фита, Кутейкин в эполетах, Бормочет нам растянутый псалом: Поэт Фита, не становись Фертом! Дьячок Фита, ты Ижица в поэтах! Четверостишие написано по поводу переложения псалмов Ф. Н. Глинкой. *Фита* – буква, которой подписывал Глинка свои произведения в печати (с нее начиналось, по старой орфографии, имя автора: Федор). *Кутейкин* – персонаж комедии Д. Фонвизина «Недоросль», семинарист, пересыпающий свою речь церковнославянскими выражениями, производящими комическое впечатление в бытовом общении. ... в эполетах... – Глинка был гвардейским полковником. *Ижица* – последняя буква старого алфавита, которую Пушкин и его современники считали излишней.

Слушая свои стихи, старец преобразился и словно помолодел на три десятка лет. На глазах его блестели слезы, а губы непроизвольно шептали любимые строки:

Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьет золотую шапку
У *Ивана-звонаря?*..

Кто *Царь-колокол* подымет?
Кто *Царь-пушку* повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У *святых* в Кремле ворот?!

Ты не гнула крепкой выи
В бедовой своей судьбе:
Разве пасынки России
Не поклонятся тебе?!..

К концу стихотворения голос Мещерского возвысился, он как бы не читал, а пел славу Москве – первопрестольной столице России:

Ты, как мученик, горела,
Белокаменная!
И река в тебе кипела
Бурнопламенная!

И под пеплом ты лежала
Полоненною,
И из пепла ты восстала
Неизменною!..

Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат!
Град *срединный*, град *сердечный*,
Коренной России град!

– Отменные стихи. И подлинно русские! – сказал цесаревич. – Мне сразу же захотелось еще раз побывать в Первопрестольной...

– Что и входит в наш маршрут, – вмешался в разговор дотоле молчавший Победоносцев. – А стихи, Федор Николаевич, и вправду хороши. Они рожают уважение к старым учреждениям... которые тем драгоценны, что не придуманы. Они вышли из жизни народной и освящены историей, и только историей...

– После таких стихов невольно хочется обратиться к Москве и ее древностям, – добавил Александр Александрович. – Ведь мое любимое увлечение – археология, раскопки, память предков...

Путешествие по Волге продолжалось на пароходе: из Твери цесаревич направился в Рыбинск, где купечество устроило ему знатный обед, из Рыбинска – в Углич. Огромные толпы повсюду восторженно встречали его. Когда показался Углич, стоящий на правом крутом берегу

матушки-Волги и с трех сторон окруженный хвойным лесом, он напомнил наследнику муравейник: десятки тысяч людей бежали к высокой лестнице навстречу пароходу.

– Народ наш – невежда. Он исполнен суеверий и страдает от дурных и порочных привычек, – говорил цесаревичу Победоносцев. – Но все это ровно ничего не значит. Он создает в душе свою историю – легенду. И эта легенда – религия и монархия. Она выше любой абсолютной истины...

– Однако как бы сия легенда не обратилась во вред, – вставил слово Козлов. – Она может просто раздавить нас с вами.

В самом деле, едва Александр Александрович, возвышаясь над своей свитой, стал подниматься по лестнице, как многотысячная толпа зашевелилась и заревела. Крики «ура!» и «надёжа наша!» мешались с нечленораздельными восторженными воплями. Люди хлынули навстречу наследнику. Крестьяне и мещане признали в богатыре цесаревиче *своего*! Старухи непрестанно крестились и крестили великого князя, мужики норовили коснуться его платья. Многие плакали. Экзальтация достигла предела.

– Нет, я не вправе обмануть их! – сказал себе наследник. – И верно то, что я уже не принадлежу себе!

Между тем полицейские старались пробить коридор к коляске, чтобы ехать в собор. Но не тут-то было! Рысаки, испуганные толпой, стали подниматься на дыбы и храпеть, так что кучер не мог совладать с ними.

Цесаревичу, уже севшему в коляску, пришлось выбираться из нее и идти пешком. Двое полицейских с невероятным трудом прокладывали тропинку в человеческой массе. Кое-как удалось добраться до Преображенского собора, а народу все прибывало и прибывало. Толпа напирала на железные решетки, окружавшие храм, и они начали рушиться под тяжестью тел.

Седобородый старец протоиерей отслужил короткий молебен под все усиливающийся гул. «Мы словно на корабле во время бури», – думал Александр Александрович.

– Ваше императорское высочество! – сказал иерарх после целования креста. – Вам не следует идти обратным путем на пароход.

– Отчего же? – спросил наследник. – Полиция поможет нам вернуться так же, как мы пришли сюда.

– Я беспокоюсь не только о ваших высочествах, – спокойно объяснил старец. – Скопление народа на берегу, над самым обрывом весьма опасно. При таком напоре все они могут сорваться и погибнуть.

– Что же делать? – спросил Владимир Александрович.

– А вот что. Еще при святом Романе, князе Угличском,²⁵ здесь был вырыт подземный ход к Волге. Тогда стоял не каменный, а деревянный собор. Этим ходом воспользовались монахи и горожане, когда поляки грабили и уничтожали Углич...

Протоиерей в сопровождении служки направился к боковому притвору, приглашая высоких гостей следовать за ним. Служка отвалил плиту, под которой уходил вниз черный лаз. По неровным каменным ступеням, с зажженными фонарями процессия спустилась в узкий коридор. С потолка сочилась вода. Какая-то тень – крыса или некий неведомый зверек – метнулась из-под ног.

– Да, ваше высочество! – шагая впереди цесаревича, как бы для себя повествовал протоиерей. – Сколько мучений претерпел град сей! Жег его князь Изяслав²⁶ с новгородцами. Но

²⁵ *Еще при святом Романе, князе Угличском...* – Речь идет о Романе Владимировиче, святом князе Угличском (1261–1285), внуке великого князя Константина I. По смерти Романа его тело было положено в церкви Преображения; в 1595 в царствование Федора Иоанновича при основании старой соборной церкви города Углича, мощи Романа обретенны нетленными, по указу патриарха Иова свидетельствованы митрополитом Гермогеном и перенесены в новую каменную соборную церковь Преображения.

²⁶ *Изяслав* – Изяслав Мстиславич (ок. 1097–1154), князь Владимиро-Волынский (с 1134), Переяславский (с 1143), великий

куда страшнее жгли поляки! Ян Сапега²⁷ побил здесь двадцать тысяч жителей да более пятисот священников, дьяконов и монахов. А ныне в Угличе и десяти тысяч обывателей нет...

– Как сурова наша история! – отозвался Александр Александрович. – Кровь и кровь. И ныне ее желает пролить кучка злодеев. Только чудо и рука крестьянина Комиссарова спасли моего отца, нашего государя...

Речь шла о нашумевшем покушении на Александра II, когда 4 апреля 1866 года в царя, выходявшего после прогулки из Летнего сада, выстрелил злоумышленник Каракозов. Стоявший возле революционера шляпный подмастерье Осип Комиссаров успел толкнуть его под локоть, и пуля пролетела мимо.

– На все промысел Божий! – меланхолично отозвался протоиерей. – Но вот уже и выход...

Впереди замаячило светлое пятно. Вскоре шлюпка отвезла путешественников на пароход. Их ожидали Ярославль, Нижний Новгород, Казань и, наконец, Москва.

Оглушающим перезвоном, громовой, торжественной, наполняющей сердце весельем гармонией встретила великого князя Александра Александровича Первопрестольная.

– Ты наследник российского престола! – слышалось ему в криках кипящих народом площадей и улиц.

– Ты взойдешь на трон и будешь твердой рукой править Россией! – отдавалась эхом в его сердце музыка сорока сороков.²⁸

– Ты помазанник Божий, и воля пославшего тебя священна! – словно говорили ему седые башни Кремля, Иван Великий,²⁹ сама матушка-Москва.

И вместе с ощущением тяжелого, но необходимого бремени, вместе с крепнущим решением исполнить предначертанный долг – долг престолонаследия Александр Александрович благодарно вспомнил строки Глинки:

Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат!
Град *срединный*, град *сердечный*,
Коренной России град!

5

Во Фреденсборге, в королевском дворце Христиан IX давал торжественный обед в честь великого князя Александра Александровича.

Удивительное дело, но в душе цесаревича произошел необыкновенный переворот, какое-то озарение. Словно бы и не было в помине любви к фрейлине Мещерской, бессонных ночей, тяжелых объяснений с батюшкой, страстных молитв! И куда все подевалось? Наследник чувствовал, что Минни все больше и больше нравилась ему. Как был прав папá! А что прошлое? А на прошлое – наплевать и забыть!

Гремел оркестр. Александр Александрович сидел рядом с принцессой, и все, что некогда не нравилось ему, теперь умиляло его и радовало. А как она была мила, когда играла на

князь Киевский (с 1146), внук Владимира Мономаха; участник многих феодальных усобиц.

²⁷ *Сапега* Ян Петр (1569–1611) – польско-литовский магнат, один из активных участников польской интервенции в России в начале XVII в. Летом 1608 прибыл к Лжедмитрию с семитысячным отрядом и занял главенствующее положение в Тушинском лагере. После неудачной попытки взять Москву с сент. 1608 по янв. 1610 осаждал Троице-Сергиеву лавру; другие его отряды в это время оккупировали значительную часть Поволжья и Поморья, грабили и уничтожали русские села и города.

²⁸ *Сорок сороков* – так говорят о большом количестве чего-либо (от старинной единицы счета, в основе которого лежало число 40), в данном случае о московских церквях.

²⁹ *Иван Великий* – имеются в виду колокола колокольни Ивана Великого в Московском Кремле.

фортепьяно, или рисовала в красках, или играла с ним в лото! Нет, он положительно увлечен Дагмарой и не желает иной судьбы!..

Минни слегка приподнялась, чтобы сказать ему что-то, и цесаревич нагнул голову, напрягся, весь обратился в слух.

– Вы знаете, Алекс, – посыпалась ее французская скороговорка, – я очень люблю, когда за обедом играет музыка. Ведь тогда можно спокойно говорить, не будучи услышанным никем...

Он был несказанно рад этим первым шагам: ледок недоверия был растоплен. «Надо объяснить. Нет, не с Минни, не с ней, конечно. А сперва с ее братом Фреди³⁰», – решил великий князь.

Потом наследник считал часы и только и думал, как бы поговорить с Минни откровенно, но не хватало духа. Время летело в веселых прогулках и невинных забавах. Как-то вся компания отправилась к развалинам замка Фридрихсбург. Цесаревич и Минни оказались в большой зале, выложенной плитами, с лепными украшениями, но без потолка. И так странно торчал старинный камин с огромной трубой.

– Этот замок подожгла любовница покойного короля...³¹ – задумчиво сказала Минни.

Слово *любовница* в ее милых устах резануло слух наследника. Но тут появился брат Алексей, на красивом лице которого сияла улыбка. Внезапно улыбка погасла, он схватил ржавые каминные щипцы и несколько раз ударил что-то или кого-то у самой стены.

– *La vipère!*³² – вскрикнула Минни.

Она подбежала к змее и храбро схватила ее за хвост.

– Молодец, – прошептал цесаревич.

Когда они вернулись в Фреденсбург, Минни пригласила его и Алексея к себе в комнату. Перебросившись несколькими фразами, брат деликатно вышел. «Теперь или никогда!» – сказал себе наследник. Между тем Минни показывала ему вещи от Никсы, его письма и фотографии. В это время тихо щелкнул дверной замок. «Милый Алексей! – благодарно подумал цесаревич. – Это он запер двери, чтобы никто не видел, что мы делаем!» Он почувствовал такое волнение, что альбом с фотографиями едва не выпал из его рук.

– Говорил ли с вами Фреди о моем предложении? – наконец решился наследник.

– Каком? – удивилась принцесса.

– Я прошу вашей руки! – выпалил он.

В то же мгновение Минни бросилась к нему и повисла на его шее. Целуя ее, он поднял легкую, словно пушинка, невесту и подошел к дивану. Минни села на валик дивана, а он вжался всем огромным телом в угол, не смея поверить в свое счастье. Между поцелуями он, задыхаясь, спросил:

– Так вы можете любить меня после моего милого брата?

– Любить? – отвечала она. – Никого, кроме его любимого брата!

Он сжал ее в объятиях:

– Милый Никса! Он очень помог нам. И конечно, он теперь молится о нашем счастье.

Легкий стук прервал их поцелуй. Вошла королева. В слезах огромный русский принц обнял и поцеловал ее. Она сразу поняла все и тоже заплакала. В комнате появились Христиан IX, братья Владимир и Алексей, принцы Фреди и Вольдемар. Целуя Минни на глазах у всех, наследник, еще в слезах, проговорил:

– До встречи в России, моя дорогая невеста!

³⁰ *Фреди* – Альфред-Эрнст-Альберт (Альфред, Фреди) (1844–1900), принц Великобританский, герцог Эдинбургский, граф Ульстерский и Кентский, второй сын английской королевы Виктории, с 1874 муж великой княгини Марии Александровны, дочери Александра II.

³¹ ...*замок подожгла любовница покойного короля...* – Имеется в виду любовница Фридриха VII (1808–1863), сына Христиана VIII, короля с 1843.

³² Гадюка! (*фр.*)

День тянулся как месяц, месяц пролетал как день. Уже все было готово к свадьбе, обновился и похорошел Аничков дворец, их будущее гнездышко. Считая, что ремонт движется слишком медленно, цесаревич как-то за один день самолично оклеил веселыми обоями ее спальню. Каждый вечер он горячо молил Бога приблизить день встречи с душкой Минни. И вот этот день настал!

От вокзала и до Зимнего дворца были выстроены войска. Вереница золоченых карет двигалась под приветственные крики народа. В первой карете сидела *его* Минни с мамá, а сам наследник, как начальник конвоя, ехал подле нее верхом, держа в правой руке обнаженный палаш. Светские и церковные церемонии слились в один радужный праздник. Великий князь двигался, разговаривал, улыбался – и все как во сне. Где-то тенью прошелестела – было или не было? – фрейлина Мещерская. И ни одна струна не отозвалась в его душе. Отчего? Может быть, оттого, что он был невинен и разве что уличен однажды в детском грехе, о чем с неодобрением в давние времена сообщал в письме к отцу дядя Костя.³³ Но женщины? Он их не знал, и для него каждая была *лучшей*...

И вот он – счастливый, блаженный день! После утомительного ужина в Аничковом дворце остались только папá и мамá. Они с Минни пошли переодеваться. Мамá была с невестой, а вернее сказать, уже с его женой; папá давал последние наставления цесаревичу. Появилась мамá, и наследник обнял ее и просил благословить его. Она, в слезах, перекрестила и поцеловала сына. Всплакнул и сам император. Наконец и родители ушли.

Согласно неукоснительному ритуалу, Романов-жених перед брачной ночью должен был надевать серебряный халат и туфли из серебряной парчи. Халат весил шестнадцать фунтов и мог показаться тяжелым. Александр подкинул халат на руке и нашел его совершенно необременительным. «Кольчуги были куда тяжелей», – подумал он. Гораздо сильнее давила на плечи наследника необходимость ждать.

Александр облачился в серебряный халат и нервно ходил по кабинету, ожидая, пока Минни закончит свой туалет. Он испытывал мучительное волнение. Его била лихорадка, и наследник едва держался на ногах.

– Саша... – услышал он далекий голос. – Иди... Я жду...

Цесаревич прошел в спальню, ключ прыгал в его руках. Он запер двери. В ее комнатах уже было все потушено, и лишь у постели горела одна свеча. Как хороша, как неотразимо хороша была его маленькая Минни – на белоснежных подушках еще контрастнее лежали ее темные курчавые волосы, и таинственно мерцали большие голубые глаза. «Нет, такого чувства у меня уже никогда не будет!» – сказал себе наследник и опустился перед кроватью на колени. Сердце, кажется, готово было выпрыгнуть из груди. Минни обняла его за шею, и они тихо поцеловались.

– Я буду любить тебя... не так, как другие любят... Я буду любить только тебя! Тебя одну! – как заклинание, повторял Александр.

Он встал и начал читать молитву:

– Господи, благослови! Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, Иже везде сый и вся исполняй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша...

Потом наследник погасил свечу, снял халат и туфли.

Он лег в постель на спину и сперва даже не понял, что его маленькая Минни оказалась сверху, обвилась вокруг его тела, заставила сладко и больно застонать.

– Дурачок! Сашка! Какой хороший дурачок! – страстно шептала она.

И он отвечал ей со стонами и придыханием:

³³ Дядя Костя – Константин Николаевич (1827–1892), великий князь, второй сын императора Николая I, генерал-адмирал.

– Моя единственная! Моя *собственная* жена! Моя душка Минни!..

6

Студенческая вечеринка в дешевых номерах Келлера в Мерзляковском переулке была, как обычно, бестолковой, пьяной, со ссорами и громкими пустыми речами. Гуляли медики, в большинстве – дети или внуки священников, и, конечно, все – атеисты и материалисты.

Скинув свои пледы и черные картузы в углу, они сгрудились вокруг стола, уставленного бутылками пива, скромными закусками, однако с непременной четвертью³⁴ водки и кипящим самоваром. Кто сидел в обнимку с модистками, кто и за выпивкой не расставался с книжкой, кто серьезничал с курсистками, одетыми под пажей, стриженными, в очках.

– Я никак не могу справиться с мертвым мясом, – стесняясь, говорил худой студент с темным иконописным лицом соседу, огромному украинцу, не выпускавшему из своих лап хорошенькую, хотя уже очень помятую блондинку. – Представляешь, купил у сторожа крошечного ребенка и стал его дома резать. И не могу понять, что у меня под ножом? Я содрал кожу, и обнажилась какая-то круглая красноватая зернистая масса. Но ведь это не мускулы?

Украинец стряхнул девушку с колен и захохотал:

– Ты, Левко, худо читал анатомию! Это жир!..

– Такой красный и толстый, Шульга?

– А ты думал? Как у того поросся. Его нужно снять, прежде чем дойдешь до мускулов...

– Фи! Какие гадости вы говорите! Да еще за столом! – жеманясь, проговорила девушка.

– Брось, Фрузя! – крикнул басом Шульга. – Лучше вообрази, какой чудак есть на свете – Спенсер.³⁵ Он утверждает, что атеизм, теизм и пантеизм как гипотезы, объясняющие сокровенную сущность и происхождение Вселенной, одинаково логически несостоятельны. Ведь выдумал же такую штуку... Ха-ха-ха!

Евфросинья сморщила свое милое порочное личико:

– Ну, уж вы всегда придумаете какую-нибудь глупость!

– Да, это верно, Фрузя. Иди лучше я тебя обниму...

Лев Тихомиров,³⁶ приехавший в Москву из тихой Керчи, был конфузлив от природы да к тому же не имел в Первопрестольной своего землячества, что усиливало ощущение одиночества. Воспитанный в религиозном духе, он с неодобрением, смешанным, впрочем, с завистью, поглядывал на Шульгу. Веселый, общительный хохол уже успел рассказать ему, что происходит от запорожца, укравшего некогда красавицу из гарема самого султана, за что ему и отрубили правую руку. Отсюда и фамилия Шульга – «левша» по-малоросски. «Вот хват! – думалось Тихомирову. – Ведь талантливый парень, а чем живет? И какие, однако, студенты циники!»

– Читали ли вы «Эмиля XIX века»?³⁷ – вдруг обратилась к нему одетая в мужское платье курсистка, обнажая в улыбке плохие, прокуренные зубки.

³⁴ *Четверть* (водки) – здесь: бутылка емкостью в три литра.

³⁵ *Спенсер Герберт* (1820–1903) – английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма, основатель органической школы в социологии; идеолог буржуазного либерализма. Развил механистическое учение с всеобщей эволюции; сторонник утилитаризма в этике.

³⁶ *Тихомиров* Лев Александрович (185–1923) – общественный деятель, публицист. Член Исполнительного комитета и редакции газеты «Народная воля» (с 1879), соредaktor журнала «Вестник „Народной воли“» (1883–1886). В 1888 отрекся от революционных убеждений в пользу монархии (брошюра «Почему я перестал быть революционером». 2-е изд. М., 1896), редактор газеты «Московские ведомости» (1909–1913); автор «Воспоминаний» (М. – Л., 1927), книги «Заговорщики и полиция» (М., 1930).

³⁷ «*Эмиль XIX века*» – роман Эскироса Анри-Альфонса (1812–1876), французского писателя и политика, члена законодательного собрания (1849), депутата-радикала.

Тихомиров зарделся. Хотя наделавшую изрядного шума книгу Альфонса Эскироса добросовестно проштудировал и даже просмотрел отзыв на нее Шелгунова,³⁸ он от смущения пролепетал:

– Не довелось...

– А жаль. У него замечательно глубокие места... Например, вот это... – Она порылась в книжице, лежавшей тут же, рядом со стаканом пива. – «Женщина есть форма, в которую отливаются новые поколения».

Она торжествующе посмотрела на Тихомирова, чем привела его в совершеннейшее замешательство. Спас положение, сам того не подозревая, все тот же Шульга, бесцеремонно дернувший Тихомирова за рукав форменного сюртука:

– А знаешь, Левко, что со мной вчера случилось? Было избиение вифлеемцев...³⁹

– Как так? – обрадовался Тихомиров, живо повернувшись спиной к курсистке и откидывая длинные волосы.

– Вернулся домой пьяный в дупель и наделал, признаться, скандалу. Хозяин послал за полицией. И я – о, лышенько! – Тут украинский геркулес потянулся всем могучим телом. – Представь, поколотил городского. Тот позвал товарищей на помощь, и меня поволокли в участок. По дороге я дрался отчаянно, дубасил городских. И меня тащили до участка целых два часа. А ходу туда, знаешь, пять хвылин. Натурально, завладевши мною, воротили мне с процентами все затрешины. Били, можно сказать, не на живот, а на смерть. Ну а в общем я славно размял кости...

Шульга встал, и половицы жалобно закрипели; прошелся по сырой, вонючей комнате, затем налил себе полстакана водки, опрокинул в рот и заполировал ее пивом.

– Друзья! Друзья! – вскочил большой черноволосый еврей с рюмкой в руке. – Вы читали последние стихи Курочкина?⁴⁰ Как, однако, славно! В них все сказано! Все ясно, как на ладони! Послушайте...

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол:
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двухголовый,
Всероссийский наш орел...⁴¹

– Молодец, Михельсон! – в пьяном кураже крикнул Шульга. – А ну-ка, давай поцелуемся, чокнемся и выпьем!..

Почти все они, провинциалы и москвичи, жили расхожими идеями, принимая чужие слова за собственные мысли. В студенческом кругу царила несамостоятельность и душевная пустота: немного лекций, гоньба за модистками по бульварам, карты, кутежи. Хаживали под Пасху по церквям, но без малейшей веры, хотя никакого глумления тут не было, просто привычка. Интересно пройтись, увязаться за хорошеньким личиком, а кроме того, приятно разговеться яствами и питиями.

³⁸ *Шелгунов* Николай Васильевич (1824–1891) – видный общественный деятель революционно-демократического направления, публицист и литературный критик, активный сотрудник журналов «Русское слово», «Современник», «Дело», «Русская мысль».

³⁹ *Было избиение вифлеемцев...* – Намек на библейское предание, согласно которому царь Иудеи Ирод I Великий (ок. 71–4), овладевший тронem с помощью римских войск, при известии о рождении Христа в Вифлееме приказал умертвить четырнадцать тысяч младенцев в этом городе.

⁴⁰ *Курочкин* Василий Степанович (1831–1875) – поэт, журналист, общественный деятель революционно-демократического направления, соредатор сатирического журнала «Искра» (1859–1873).

⁴¹ «Я нашел, друзья, нашел...» – строки из стихотворения В. Курочкина «Двуглавый орел» (1857).

Пили очень много, но больше для шику. С утра частенько начинали с водки, закусывая голой солью, – как настоящие горькие пьяницы. Для шику заводились и романы, без любви, а только в угоду физиологии. Какая любовь, если Фрузя жила то с одним, то с другим студентом, бегая утром по нумерам: «Не здесь ли я забыла свой лифчик? Не тут ли остались мои штанишки?..» Вскорости она поступила в клиентки ресторана «Одесса». Когда возникала нужда, половой прибегал звать ее к желающим в отдельный кабинет. Таковы были музы. Но студенты не видели в этом разврата: надо же было чем-нибудь наполнить жизнь!

И какая вера в печатное слово!..

Тихомирову вспомнилось, как Михельсон, считавшийся весьма дельным студентом, заявил ему в химической лаборатории, что наконец открыт Северный полюс. Тот изумился и начал расспрашивать, как, что и откуда. Михельсон же принялся с важным видом рассказывать, что об этом он прочитал в сочинениях Жюль Верна!

Университетское начальство вовсе не пеклось о каком-либо нравственном содержании своих питомцев. Никакого опасения это состояние душевной пустоты молодых людей не возбуждало и у властей. Разумеется, немало толковалось в административных верхах, что студенчество из рук вон плохо, что молодежь опустилась. Но ничего непосредственно вредного от этой массы, занятой, как казалось, только самой узкой мыслью о карьере да картами, девицами и вином, не ожидалось.

А потом вдруг – хлоп! – эти карьеристы да пьяницы чуть не поголовно устраивают какую-то нелепейшую демонстрацию,⁴² которая выеденного яйца не стоит, но из-за которой глупо, бесцельно ставят на карту собственную карьеру и саму жизнь. Чиновники ломают головы: откуда? что за чудеса? А вся опасность как раз и таилась в неразвитости, в слепом и безоглядном увлечении Чернышевским и Писаревым, без всякого самоконтроля и самоанализа.

Тихомирову внезапно сделалось необычайно грустно. Он вспомнил деда-священника, рассказы отца о тихом селе Ильинском Тульской губернии, где был приход деда, большой дом близ церкви, у края откоса, спускающегося к ручью, сосновую рощу, которую он запомнил уже сильно вырубленной. Перед ним пронеслись картины Кавказа, крепость Новороссийск, куда был назначен на службу отец, военный врач. Сам Тихомиров видел лишь развалины старых укреплений да пепелище на месте горного аула, разгромленного экспедицией,⁴³ в которой участвовал и отец. Тогда он был награжден своим первым орденом – Анны 3-й степени – за усердие и хладнокровное мужество. Тихомиров полюбил Кавказ, полюбил крепость Геленджик, где родился, и теперь инстинктивно коснулся шейного образка святого Митрофана, с которым не расставался, – первого воронежского епископа и чудотворца, верного сподвижника Петра Великого. Мать увидела во сне святого Митрофана, явившегося к ней накануне его рождения...

Как красив Геленджик! Маленькая бухта в форме круглой тарелки, за крепостью – живописные горы, а с другой стороны – долина, тянущаяся к реке Кабардинке. В самом Геленджике – множество садов и цветников, вход в их дом представлял собой виноградную беседку, где можно было рвать кисти превосходной изабеллы и «дамских пальчиков». Посреди площади – могучий дуб, гордость геленджиковцев: там собиралось местное общество и играл полковой оркестр. А вдоль главной улочки тянулись роскошные пирамидальные тополя...

О чем еще вспомнилось ему? О детстве, молитвах в дни Херувимской⁴⁴

⁴² ...эти карьеристы да пьяницы чуть не поголовно устраивают какую-то нелепейшую демонстрацию... – Имеются в виду студенческие волнения в Петербурге в марте 1869.

⁴³ ...пепелище на месте горного аула, разгромленного экспедицией... – Экспедиция, предпринятая князем М. С. Воронцовым (1782–1856), главнокомандующим и наместником на Кавказе (1844–1853) в начале 1750-х.

⁴⁴ О ... молитвах в дни Херувимской... – Дни Страстной недели (последней недели Великого поста), в течение которой, кроме четверга и субботы, во время перенесения святых даров с жертвенника на престол на литургиях Иоанна Золотоуста и Василия Великого поется Херувимская – духовная песнь Православной церкви, получившая название по первым словам

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.